

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ им. А.А.ПОТЕБНИ

На правах рукописи

ЛЫСА Галина Ивановна

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ УТРАТЫ
ДВОЙСТВЕННОГО ЧИСЛА В УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.02 - Украинский язык

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Киев - 1992

Работа выполнена в Институте языковедения им. А.А.Потебни
АН Украины

Научный руководитель - член-корреспондент АН Украины
профессор НИМЛУК В.В.

Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор БЕВЗЕНКО С.Ф.
кандидат филологических наук,
доцент ГОРОБЕЦ В.И.

Ведущая организация - Черновицкий государственный
университет

Защита состоится 19 февраля 1992 года в 10 часов на засе-
дании специализированного совета по защите докторских диссертаций
Д 016.28.01 при Институте языковедения им. А.А.Потебни АН Украины
/252001, Киев-I, ул. Грушевского, 4/.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
языковедения им. А.А.Потебни АН Украины.

Автореферат составлен "16" сентября 1992 г.

ЛННБ України ім.В.Стефаника

00815799 (\$)

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук

Н.Г.ОЗЕРОВА

АНБ ім. В. Стефаника
АН УРСР

Грамматическая категория числа славянских языков, в том числе украинского, имеет исторический характер, ей присуща определенная структура, проявляющаяся в соотношении значений, выраженных формами числа. С древнейших времен сформировав характер словоизменительной категории, число представляло собой целостную парадигматическую систему, основанную на тройственном противопоставлении¹. Двойственное число как составная часть этой системы оформляло все склоняемые и спрягаемые слова, связанные с представлением о двух предметах или явлениях. Утрата двойственного числа и развитие противопоставления единственное:множественное составляет важнейший результат развития грамматической категории числа, с которым в истории славянских языков связывают существенные изменения в природе других грамматических классов слов.

Украинский язык характеризуется определенным своеобразием процесса утраты двойственного числа на общеславянском фоне, существенными отличиями хронологических границ и условий семантических и грамматических сдвигов в истории двойственного числа, что обусловило некоторые специфические черты в его грамматической структуре. В связи с этим представляется важным выяснить конкретные обстоятельства, реальные предпосылки, которые определили возможность разрушения двойственного числа, замены одних форм другими, содействовали сближению числовых парадигм и возникновению синонимических отношений, установить связь между реальной репрезентацией грамматических форм и их содержанием. Актуальность темы определяется также отсутствием обобщающего монографического исследования по истории двойственного числа в украинском языке, всесторонне отражающего роль и значение этой субкатегории в формировании и становлении категории числа.

Цель и задачи исследования заключаются в том, чтобы восстановить процесс утраты двойственного числа в диахроническом плане, найти и изучить различные семантические и грамматические сдвиги, которые обнаруживаются с древнейших времен письменной истории славянских языков и определяют возможность перестройки в системе категории числа, закрепления за грамматической формой нового значения, с которым она утрачивает соотнесенность с противоположными грамматическими формами, вытеснение старых форм из парадигмы числа и замену их новыми. Кроме того, важно установить механизм утраты двой-

¹ Горшкова К.В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. - М., 1978. - С. 4.

ственным числом своего синтаксического значения, поскольку существующая обязательная выраженность числового значения придает грамматическим формам определенный вес в организации формальных связей слов в предложении.

В работе путем анализа двойственного числа в старославянских /старославянские памятники изучаются в связи с отражением в них древнейшего состояния категории двойственного числа/, древнерусских и староукраинских текстах определяется историческая семантика и этимология отдельных грамматических форм, становление и развитие грамматических значений, формирование оппозиции единственное:множественное число в связи с утратой двойственного, рассматривается роль двойственного числа в создании синтаксических структур. Сопоставление данных старославянского, древнерусского и староукраинского языков дает возможность выяснить сущность и функции двойственного числа в истории этих языков, восстановить сложный процесс его разрушения, влияние этой утраты на отношения в сфере единственного и множественного числа. Такой комплексный подход к решению поставленной проблемы является новым в украинском языкознании.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что вопросы, решаемые в ней, входят в комплексную проблематику диахронического изучения грамматических категорий, в частности категории числа. Собранный фактический материал, результаты и наблюдения могут быть использованы при создании обобщающих трудов по истории грамматических категорий существительного украинского и других славянских языков, синтаксису старославянского и древнерусского языков, при разработке сравнительной грамматики славянских языков, чтении курсов истории украинского и русского языков в вузах.

Первоначальная природа двойственного числа до сих пор окончательно не выяснена. Предполагается два пути становления его исходной системы. Первый связывает происхождение дуала с обозначением парных предметов, представлявших ряд собирательных имен /В.Гумбольдт, А.Белич, А.Иорданский, С.Ф.Самийленко и др./.. Другой, по-видимому, более соответствующий действительности, рассматривает двойственное число шире, считая, что по отношению к парным предметам оно употребляется лишь в силу своего общего значения /А.Мейе, Л.П.Якубинский, В.Дегтярев и др./.. Исследование индоевропейского праязыка, изучение языков племен, чей образ жизни сохраняет первобытные черты, дают возможность считать, что в основе возникновения двойственности лежит общая фундаментальная особенность человеческого мышления /и языка/, заключающаяся в том, что, воспринимая и осмысливая окружающую действительность, человек разделял ее на пар-

ные противоположности, двоичные оппозиции, бинарные структуры. Первичной системой числового счета была система двоичная, которая указывала не на конец счета, а на то, что в его основу положено число "два". Система древнейших количественных представлений, отвечавшая предметной соотнесенности значения числа, находила свое выражение в системе конкретных числовых противопоставлений. Таким образом, грамматическая категория числа могла фиксировать не только отличия между единичным объектом и множеством объектов, но и некоторое количество объектов, а именно два¹. Противопоставление значений единственного, двойственного и множественного составляло систему грамматической категории числа в древних славянских языках. Эти значения выражались рядами соотносительных форм, нацеленных на выполнение двух основных функций: содержательной, связанной с выражением реального количества, и формально-грамматической, оформлявшей синтаксические связи слов в предложении.

Исходя из фактов древних славянских языков некоторые исследователи рассматривают двойственность как понятие о таком соединении двух предметов, в котором они не утрачивают своей отдельности и функциональной самостоятельности². То есть двойственность возможна при наличии в языке представления о разделности, расчлененности, конкретном количестве. С этой точки зрения двойственность трактуется в данной работе. Таким образом, категория числа в старший период, зафиксированный письменными текстами, представлена двумя оппозициями: единственное:множественное и единственное:двойственное. Утрата одного из членов оппозиции - двойственного, представляла собой длительный процесс, основывающийся на том, что формы двойственного числа постепенно утрачивали свойственное им специфическое значение двойственности, парности, значение двух предметов, противопоставленных одному и выделенных из многих, все больше приближались по значению к формам множественного, в определенных случаях отождествляясь³. Постепенно, в течение длительного времени они вытеснялись формами множественного числа. Механизм этой замены значения и связанной с ней замены форм обнаруживается при анализе конкретных реализаций двойственного числа, синтаксических позиций,

¹ Ходова К.И. Простое предложение в старославянском языке. - Москва, 1980. - С. 84.

² Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках: Историко-семантическое исследование. - Ленинград, 1984. - С. 10.

³ Иорданский А.М. История двойственного числа в русском языке. - Владимир, 1960. - С. 8.

в которых оно исходно употреблялось, т.е. при именах-названиях парных предметов /свободное двойственное/, в конструкциях с числительным два /связанное двойственное/, в сочетаниях двух имен, связанных союзом /или без него/, а также в анафорической позиции /терминология А.Белича/, т.е. при повторном использовании форм двойственного числа в тех случаях, когда на наличие двух предметов указано ранее.

Особенностями реализаций изучаемой категории определяется структура работы, состоящей из трех разделов, каждый из которых посвящен рассмотрению одного из типов употребления двойственного числа в диахроническом плане с точки зрения формального выражения и участия в образовании синтаксических конструкций; в четвертом разделе определяются общие семантико-синтаксические условия утраты двойственного числа. Судьба каждого типа двойственного рассматривается на нескольких синхронных плоскостях - древнерусский период XI-XIII в., староукраинский XIV-XVIII в., в котором выделяются три основных среза - XIV-XV в., XVI в., XVII-XVIII в. Древнейший, начальный период, засвидетельствованный письменными памятниками, рассматривается в плане сопоставления структуры этой субкатегории с состоянием, зафиксированным древнейшими славянскими текстами - старославянскими, в которых представлена структура исследуемой категории, вероятно, близкая к поздней праславянской. Собственно украинский этап развития дает возможность проследить пути перестройки исходной системы числа в плане утраты значения двойственности и соответственно ее выражения, появление семантических новообразований в границах прежних форм двойственного, роль книжной традиции в сохранении этих трансформированных форм, длительный процесс взаимодействия и взаимовлияния древних форм двойственного и множественного, вытеснение и замену дуальных форм новыми со значением множественности.

Проблемы истории двойственного числа решаются на материале, извлеченном из текстов старославянского, древнерусского языка XI-XIII в., староукраинских памятников XIV-XVIII в., среди которых представлены тексты различных стилей, жанров, территорий. В частности в качестве источников привлекаются памятники деловой письменности /грамоты, акты, документы/, конфессиональная, житийная, полемическая, проповедническая литература, летописи, художественные, научные, мемуарные произведения и др. Результаты разрушения двойственного числа, его реликты в современном языке прослеживаются на материале Атласа украинского языка, других диалектных источников.

Работа состоит из введения, четырех глав, выводов, указателя источников и литературы.

Положения, выносимые на защиту

1. Семантико-синтаксические предпосылки падения двойственного числа как грамматической субкатегории были заложены еще в дописьменный период славянских языков.
2. Древнейшие сохранившиеся памятники письменности старославянского и древнерусского языков XI в. свидетельствуют о нарушении правильного употребления двойственного числа во всех синтаксических позициях, параллельное употребление форм двойственного и множественного числа в одном грамматическом значении.
3. С XIII в. начинается общий процесс вытеснения флексий двойственного числа во всех синтаксических позициях.
4. К XIV-XV в. можно говорить о полной утрате грамматического значения двойственности, приближении его к значению множественности и отождествлении с ним.
5. С этого времени фиксируется процесс борьбы флексий в рамках одной категории множественности; древние формы двойственного числа получают роль ярко маркированной формы множественного числа как обязательный признак церковнославянского языка, средство создания высокого, архаически-торжественного стиля.

Основное содержание работы

В первом разделе "Свободное двойственное" рассматривается история двойственного числа имен-обозначений парных предметов; устанавливается система соотношения форм двойственного и множественного числа этих существительных, зафиксированная древнейшими памятниками письменности, а также определяется система форм двойственного и форм множественного числа в атрибутивных и предикативных словосочетаниях с существительными в форме свободного двойственного. За основу, точку отсчета принимается состояние категории двойственного числа в старославянском языке, которое может считаться архаической моделью данной категории. В старославянских памятниках имена существительные-названия парных предметов ограничиваются названиями ряда основных органов чувств и симметричных частей тела и органов,

некоторыми названиями обуви и других предметов, а также отдельных субъектов, которые "образуют единство, отличающееся от своих компонентов не только количественно, но и качественно"¹. Древнейшими текстами старославянского и древнерусского языка свидетельствуются существительные, обозначающие парные предметы и предметы, состоящие из двух частей. В образовании форм множественного и двойственного

¹ Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. - Москва, 1967.

числа между этими двумя группами наименований существует различие, определяющееся, в первую очередь, их семантикой. К первой группе относятся названия парных частей тела, органов: бока, брѣви, вѣждѣ-вѣжи, вѣцѣ, глѣзнѣ /Глѣзнѣа, глѣзна/, голѣни, грѣсти - гърсти, гради - гроуди, длани - долони, зѣницѣ, истѣсѣ /истѣ/, колѣнѣ, крака, крилѣ, къкъни, ланитѣ, листѣ, лѣдвѣдѣ - лѣдвѣдѣа, носѣ, ноздѣри, очи, пазоустѣ, прѣси - пѣрси, плесѣни, плешти - плечи, плюшта - плюча, пѣтѣ - пѣатѣ, рамѣ, рога, роуцѣ, слоуха, съсъца, стѣгнѣ, стопѣ, уста, оустнѣ, оуши, челюсти и некоторые другие; существительные, обозначающие два предмета, образующие единство двух однородных, одноименных компонентов: плесѣнѣи, сапозѣ, сандалиѣа, чрѣвиѣа и пр., а также существительные обозначающие пару взаимно связанных, принадлежащих друг другу вещей или живых существ: близнѣцѣ - близнѣцѣа, родитѣлѣа, соупроуга, брѣга - берега, поли. Вторая группа включает наименования предметов, состоящих из двух частей: жърны - жърны, врата, дѣври, клѣштѣ - клѣщѣа, ножѣа /ножици/ и пр.

Данные старославянского и древнерусского языков показывают, что здесь свободное двойственное находило не столь монолитное и последовательное выражение, как это обычно представлялось в исследованиях данного объекта, основывающихся, как правило, на анализе отдельных существительных /преимущественно материалом для реконструкции парадигмы двойственного числа служили существительные роуцѣ, носѣ, очи, оуши как наиболее частотные/. В отношении некоторых имен-обозначений парных предметов существует мнение, что они относятся к т. наз. *dualia tantum* и употребляются только в двойственном числе /сюда включают существительные глѣзнѣ, плесѣнѣ, плештѣ - плечи, брѣви и др./. Однако привлечение достаточно широкого материала, извлеченного из текстов старославянского языка, памятников старославянского языка древнерусской редакции, оригинальных древнерусских текстов, позволяет выделять подобный разряд только условно. Практически все существительные, употребляющиеся в форме свободного двойственного, фиксируются и в других числовых формах. Исключение составляет слово къкънѣа или къкъни "голени", представленное единственным случаем - вѣ къкъню - местный падеж, зафиксированный в Супрасльской рукописи XI в. Ряд существительных, обозначающих парные предметы, относят к плюративам, напр., уста, прѣси - пѣрси, жърны - жърны, врата, дѣври, плюшта - плюча, лѣдвѣдѣа, ножи, ноздѣри и пр. По отношению к некоторым из них это, по-видимому, справедливо, поскольку форм их единственного и двойственного числа не зафиксировано. Так, слово врата - ворота < прасл. **varta* представляет собой исконную форму множественного числа от **varto* единственного числа.

По отношению к другим существительным-названиям парных предметов утверждение о том, что они принадлежат к *pluralia tantum* кажется спорным, поскольку многие из них изменяются по числам, напр.: азъ ѿсмы двѣрь - в Ассеманиевом, Остромировом и других евангельских текстах XI-XIII в.; до ноздрю - Пандекты Никона 1296 г, 4; обѣсѣть хръновѣ - в Маринском, Зографском и других евангелиях. Для таких существительных, как роуцѣ, нозѣ, очи, оуши нормой были формы двойственного, но и здесь отклонения проявляются очень рано - уже в текстах XI-XII в., напр., тако бо и пакы павѣль наоучи вѣздѣюще прѣподобно роуку своѣа /Толстовская псалтырь XI в. 103/, направи на правни поуть мирны ногы моѣа /Успенский сборник XII в. 28/. С параллельными формами двойственного и множественного числа фиксируются слова пѣаты:пѣатѣ, крыла:крылѣ, стопы:стопѣ и др., напр.: стоды моѣа - в Бычковой псалтыри 44; зрѣши его пѣты - Паремийник 1271 г. 3.15 и др. К плюративам обычно относят названия орудий, инструментов, обозначающие предметы, состоящие из двух частей, поскольку, по мнению некоторых исследователей, соединение двух предметов, составляющее в совокупности и единстве новый предмет, в славянском, как и вообще в индоевропейских языках, выражалось формой множественного числа. Однако памятники старославянского языка древнерусской редакции дают примеры, противоречащие этому утверждению и не позволяющие категорически относить такие названия к *pluralia tantum*. Так, формы множественного и двойственного в близких контекстах фиксируют существительные ножа - ножа, ножици, кльщѣ, напр.: принеси ножици и принеси ножица в Синайском патерике XI-XII в. /157, 203/ и др.

Таким образом, материал обследованных памятников свидетельствует о возможности параллельного использования форм двойственного и множественного числа имен-названий парных предметов еще в старославянском и древнерусском языке. Сначала такое использование позволяли отдельные названия, имевшие общие формы двойственного и множественного в именительном-винительном падеже. Несколько дольше сохранялись формы двойственного числа косвенных падежей, особенно дательного-творительного. Со временем формы множественного вместо двойственного распространялись и на другие существительные, обозначавшие парные предметы, и к XIV-XV в. староукраинский язык отражает тенденцию к замене флексий двойственного числа окончаниями множественного. В процессе утраты двойственного существительными согласующиеся с ними прилагательные и глаголы приобретают также множественное значение. Формы двойственного числа согласуемых форм утра-

чиваются вместе с формами двойственного существительных, к которым они относятся. В другом случае в атрибутивных и предикативных сочетаниях с именами в форме свободного двойственного прилагательные и глаголы могли терять согласование по числу, что указывало на утрату значения двойственности формой двойственного числа существительного, напр.: не тѣди роуцѣ боудоуть /Вопрошание Кюриково 54/, мед истачаютъ устнѣ твои /Слово Даниила Заточника I4/ и др.

Некоторое сохранение форм двойственного числа, их параллельное использование наряду с формами множественного в староукраинском языке свидетельствует лишь о процессе борьбы форм, которые собственно уже представляли одну грамматическую категорию множественности. Функционирование форм двойственного в староукраинском языке поддерживалось силой книжной традиции, наличие форм двойственного рассматривалось как неоспоримый признак нормы книжно-славянского языка, особенно после кодификация этих норм грамматиками ХVI—ХVII в.

Во втором разделе "Связанное двойственное" рассматриваются конструкции существительных с числительными дѣва/оба с точки зрения установления соотношения форм двойственного и множественного числа элементов данной конструкции и системы соотношения форм двойственного и множественного согласуемых с ней слов. При этом важно учитывать согласование слов в сочетании "существительное + числительное". Возможны два основных варианта согласования в этих конструкциях: 1/"числительное дѣва + существительное в двойственном + согласуемые слова в двойственном" и 2/"числительное дѣва + существительное в множественном + множественное согласуемых слов"; эти варианты представляют собой две крайние границы в истории развития двойственного в количественно-именных сочетаниях. На различных этапах развития языка наличны разные комбинации этих двух вариантов, показывающие отдельные стадии разрушения парадигмы двойственного числа.

Специфика употребления двойственного в данных конструкциях была обусловлена в первую очередь самим процессом согласования числительного с другими элементами сочетания — существительным, прилагательным, местоимением и пр. Традиционно считается, что распространение процесса разрушения грамматического двойственного на конструкции с числительным дѣва было последней стадией этого процесса, происходившего не ранее XIII в. Памятники старославянского языка XI в. и древнерусского языка XI—XIII в. фиксируют последовательное согласование по числу существительного и числительного, мотивирующееся их взаимным согласованием.

Существительные древних \bar{Y} -основ женского и мужского рода,

Ѣ-основ и основ на согласную имели общую форму именительно-винительного двойственного и множественного. Последовательно сохранились формы именительного-винительного двойственного существительных мужского рода типа дѣва дѣни, не заменяясь более поздней формой существительных мужского рода Ѣ-основ. Наряду с этим существительные среднего рода бывших Ѣ-основ приобретали уже с XII в. форму им.-вин., общую для этого падежа мужского рода в двойственном числе, и для среднего рода множественного числа /типа дѣвъ лѣтѣ - дѣвъ лѣта - дѣва лѣта/, напр.: два лѣта - Новгородская берестяная грамота XII в. № 45; лѣта, в., два писаниѣ, два поприща - Хроника Амартола XI в. по сп. XIII-XIV и др. В то же время существительные древних Ѣ-основ употребляются в форме, появившейся вследствие объединения двух типов склонения - Ѣ-основ и Ѣ-основ /дѣва сыни наряду с дѣва сына/. Древняя форма этих существительных на -н и для старославянского, и для древнерусского языков представляется уже архаичной.

Отклонения в связанном двойственном в древнерусских памятниках представлены единичными случаями, начиная с XII в., напр.: дѣва попу /Успенский сб. 108 в/, в обема береги /Холмское евангелие, приписка/. В это же время отмечается и смешивание двух типов согласования - при числительном дѣва и при числительных три-четыре, напр.: трѣ олѣнца /Синайский патерик 137/, три свѣдителя /Успенский сб. 16/. При сочетании существительных с составными числительными, имевшими в своем составе элемент дѣва-оба, возможны два варианта формы существительного - и форма двойственного, и форма множественного числа /типа дѣва на десѣть оученика и дѣва на десѣть оученици/, свидетельствующиеся памятниками с XI в. Наличие подобных сочетаний с формами двойственного указывает на согласовательный характер его форм к этому времени. На разрушение значения двойственности количественно-именными конструкциями с числительными дѣва-оба, приобретение ими множественного значения указывают и генетивные формы существительного при этих числительных /типа дѣва оученикъ - Мстиславово евангелие к' XI-н. XII в. 94 г/, отмечаемые уже в древнейших памятниках XI-XIII в. Подобные отклонения от согласования по числу количественно-именных конструкций с числительными дѣва-оба уже в XI-XIII в. позволяет предположить, что подобные конструкции еще в дописьменную эпоху приобретали значение множественности, намечалась тенденция унификации разных типов согласования при числительных. Тексты староукраинского языка XIV-XV в. отличаются новым соотношением форм двойственного и множественного числа в количественно-именных сочетаниях. Обе формы становятся равноправными и употребляются па-

параллельно в одних и тех же текстах, хотя преимущество оказывается на стороне форм множественного числа. При этом и само числительное два получает новую форму косвенных падежей, образованную по аналогии к числительным три-четыре /напр., двухъ, двумъ/, однако неизменной остается форма творительного падежа, закрепившаяся в последствии как нормативная. Безусловно господствующими становятся формы множественного числа при данных конструкциях в памятниках ХVI-ХУП в., хотя формы двойственного числа еще встречаются, однако уже со значением множественности, о чем свидетельствуют согласуемые с этими словосочетаниями прилагательные и глаголы.

Сочетание числительного с существительным выступает в предложении в роли одного члена, образуя неразрывное синтаксическое целое, с которым согласуются атрибуты и предикаты. Личные формы глагола, относящиеся к данному словосочетанию и выполняющие роль сказуемого, закрепляют в рамках предложения значение двойственности как синтаксической категории. В старославянских и древнерусских текстах определения, относящиеся к количественно-именным структурам с числительным два, согласуются с существительными, независимо от позиции в словосочетании. Отклонения в согласовании для периода XI-XIII в. встречаются изредка, как правило, в тех случаях, когда само существительное имеет форму множественного, вместо закономерной формы двойственного числа. Однако встречаются и случаи, когда определение употреблено в форме множественного при двойственном числе существительного /такой случай зафиксирован, например, в Синайском патерике XI-XII в.: дѣѣ словеси исторіа... написаны /100/. Для XIV-XV в. обычными являются уже формы множественного числа глаголов и прилагательных, двойственное представлено лишь в списках более древних текстов или конфессиональных произведениях. В более поздних текстах формы двойственного числа согласуемых слов употребляются только в лингвистических трудах /напр., Грамматике 1619 г. М.Смотрицкого/, кодифицирующих церковнославянский язык, или же в цитатах из канонической литературы.

Утрата значения двойственности, замена его значением множественности, вытеснение форм двойственного числа формами множественного, объединение двух типов согласования существительного с числительным - при числительных два и три-четыре, явилось причиной образования специфической принумеральной формы существительного. Образование такого синтаксически неразложимого количественно-именного сочетания содействовало появлению при нем определений в двух формах - именительного-винительного и родительного падежей, когда

определение объясняло не просто существительное, а относилось ко всему количественно-именному сочетанию. Как следствие утраты двойственного числа, определения в родительном множественного появляются довольно поздно - с XIV-XV в., напр.: во двѣ же вѣрви чюдныхъ /1425 Кпат.лет. 221 а/, тѣхъ трии волости /грамота 1583-1418 г./, в это время подобные случаи немногочисленны. С XVI в. сферы употребления родительного множественного определения расширяются, эта форма фиксируется практически во всех позициях по отношению к существительному. Однако конструкции с родительным множественным почти не употребляются в текстах полемических, проповеднических, конфессиональных. Основным фактором появления генетивных конструкций, по-видимому, была общая унификационная тенденция, взаимовлияние и взаимозамена разных типов согласования при числительных два, три-четыре, пять, развившаяся в связи с утратой двойственного числа.

Анафорическое двойственное, относящееся к оборотам с числительным дѣва, в старославянском и древнерусском языках отличается определенным своеобразием. Как и свободное двойственное, анафорическое не обнаруживает полной последовательности и стабильности в употреблении форм двойственного числа и показывает различные этапы замены двойственного множественным. Нарушение анафорического двойственного указывает на то, что предыдущий оборот с числительным дѣва приобрел множественное значение. Обычно считается, что замена анафорического двойственного после конструкций с числительным дѣва начинается с XIII в., что иллюстрируется примером из Русской Правды по сп. 1280 г.: вывести свободна моужа два или мытника аже начнеть не знати оу кого коушилъ, то ити по немъ тѣмъ вѣдокомъ /125/. Однако анализ текстов старославянского языка XI в. и древнерусских XI-XII в. показал, что уже в XI в. свидетельствуются случаи такой замены, прежде всего в формах местоимений, несколько реже - глаголов, напр.: исъ... видѣ дѣва брата... и рече има градѣта по мнѣ и сѣтвори вы ловца члкомъ /Досеманиево ев. 69/, дѣва бѣста брата... и гла старѣи братъ мнѣшоумоу. пойди да идевѣ въ суриж и сѣзидемѣ родителю наѣ домъ /Синайский патерик XI-XII в. 305/. На процесс утраты двойственного числа накладывался процесс преобразования кратких причастий в деепричастия, уже с XI в. утрачивавших различение по роду, числу и падежу. О том, что происходила не просто замена форм двойственного числа, а переход к формам, утратившим грамматическое значение числа, рода и падежа, вообще преобразовавшимся в неизменные глагольные формы, свидетельствует значительная вариативность в использовании форм кратких активных причастий на месте

форм двойственного. В памятниках староукраинского языка XIV-XV в. анафорическое двойственное уже утрачено. Сочетание числительного с существительным еще могло сохранять форму двойственного, однако при повторном упоминании и существительное, и относящиеся к нему слова формы двойственного не поддерживали.

В третьем разделе "Конструкции с двумя именами" рассматривается малоизученный тип употребления двойственного числа - при оборотах с двумя антропонимами или другими наименованиями, связанными союзом /или без него/, выводящий эту категорию за рамки просто морфологической категории, показывающий в границах предложения значение двойственности как синтаксической категории через отношение субъекта действия к действию, взаимосвязь способов выражения субъекта и предиката, формы согласуемых атрибутов. В данном случае рассматривается соотношение форм слов, относящихся к словосочетанию из двух имен, в частности существительных, выступающих в роли приложения при двух именах, глаголов, выступающих в роли сказуемого, по отношению к которому оборот из двух имен выступает как подлежащее, выраженное лексически неоднородным сочетанием с творительным социативным или однородные подлежащие, формы определений, согласующихся с этим оборотом, т.е. синтаксическое окружение конструкции из двух имен.

Рассматриваемые конструкции утрачивают значение двойственности очень рано, уже в древнейших памятниках письменности старославянского и древнерусского языков представлены формы множественного числа существительных, выступающих в роли приложения при двух именах, напр.: стра/с/ стѣхъ м/ч/нкѣ домета и диогена /Остромирово ев. 1057 г. 227 г/, гра/д/ твоихъ турова и пиньска /Повесть временных лет по сп. 1377 258/, хотя еще обычны формы двойственного числа существительного-приложения, независимо от его позиции по отношению к определяемому обороту. Наряду с этим в сочетании с двумя антропонимами существительное-приложение может иметь и форму единственного числа, относясь к первому из названных имен, т.е. преобладает формально-грамматическое согласование по форме первого обозначаемого /или стержневого/ слова, напр.: при архѣрѣи анѣ и къаѣѣ /Реймское ев. XI в. 4 г/, ко црѣви Василью и Костантину /Повесть временных лет 109/. С XIV в. староукраинские тексты в подобных оборотах уже не отражают значение двойственности, о чем свидетельствуют формы множественного числа приложения.

Определения /прилагательные, причастия, неличные местоимения/ в форме двойственного при конструкциях из двух имен могут употреб-

даться в двух позициях: либо непосредственно относиться к двум именам, поясняя все сочетание, или же согласоваться с существительным-приложением при двух именах. При этом форма числа определения зависит от его позиции по отношению к обороту с двумя именами - в препозиции оно может иметь и форму единственного, тогда как в постпозиции, как правило, налична форма двойственного, напр.: иѣкова и иоана сна зеведеова /Ассеманиево, Туровское и другие евангельские тексты/, старѣ сѣмоу аврааму и сар'рѣ /Слово о законе и благодати 80/, Множественное число определения в таких случаях свидетельствует об утрате значения двойственного числа, напр.: до Диоклитѣана и Максимѣана непр/д/бныхъ и х/с/хоульныхъ /Хроника Амартола XI в. по сп. XIII-XIV 29/.

В данных конструкциях форма числа в значительной степени зависит от типа согласования ее компонентов. Как известно, формальное уподобление подлежащего и сказуемого - древнейшая синтаксическая норма структуры двусоставного предложения. Отклонения от формально-грамматического согласования по числу проявляются прежде всего при смысловом /логическом/ согласовании. Именно такое согласование, т.е. отражение сказуемым реальной двойственности, единичности или множественности в зависимости от состава и семантико-грамматической природы подлежащего, воспроизводит анализируемые словосочетания, которые, если рассматривать их вне предложения, могут и не выражать значения двойственности. Сочетание двух имен связанных союзом или без него, в составе подлежащего в форме единственного числа согласуются с глаголом-сказуемым в форме двойственного, т.е. личные формы глагола являются показателем расчлененности множества на два. В данных конструкциях проявляется взаимозаменяемость форм двойственного и множественного числа глаголов-сказуемых, становящихся синонимическими, что указывает на утрату двойственным его дуальной семантики.

Уже в период написания древнейших письменных памятников в конструкциях при двух именах наблюдается нарушение правильного употребления двойственного числа, напр.: матери благинѣмъ си суть чистота и милостини /Изборник 1076 г. 302/, придохомъ въ манастырь... азъ и братъ софронии /Синайский патерик XI-XII в. 225/. Возможность двух принципов согласования - формально-грамматического и смыслового, допускала использование форм единственного и двойственного числа при лексически неоднородном подлежащем, что расплывало значение двойственности. С XI-XII в. при конструкциях, представляющих однородные подлежащие или подлежащие, выраженные лекси-

чески неразложимым словосочетанием с творительным социативным, или выступающих в роли дополнения, синтаксическое окружение заменяет формы двойственного формами множественного числа. Такая замена свидетельствует об изменении в значении форм двойственного числа как синтаксической категории, т.е. о появлении нового значения множественности, выраженного старыми формами двойственного существительного, относящегося к сочетанию двух имен, напр.: о/т/идохъ азъ и авва мои о/т/ райдоу и придоховѣ въ палестиноу... старецъ же приимъ ны /Синайский патерик 200/, рече Олегъ Асколдоу и Дирови. вы нѣста книзѣ /Ловость временных лет по сп. 1377 23/. При замене форм двойственного числа формами единственного находит свое выражение другой процесс, связанный с механизмом согласования подлежащего и сказуемого в зависимости от выражения и значения подлежащего, напр.: приде мариѣ магдални и другата мариѣ - в евангельских текстах XI-XII в. Ассеманиевом, Остромировом и др.; платилъ за мене Данило и Воинъ - Духовная Климента 1270 г. К XIV-XV в. в украинском языке наблюдается полная утрата значения двойственности анафорическими конструкциями с предшествующим оборотом с двумя именами; в это время и позднее, в текстах XVI-XVII в., формы бывшего двойственного могут сохраняться лишь как стилистические фигуры либо реликты более древних оригиналов, напр.: дихоимецъ и пыаница брата си еста /Четья 1489 г. 82/, тако тависѣ имъ идѣа съ мовсе-о/м/ и ѡбѣта глѣдѣ съ исъмь /Летковское евангелие 1595 г. 55/ и пр.

В четвертом разделе "Изменения семантико-синтаксического характера в системе двойственного числа" подводятся итоги рассмотренных в предыдущих разделах морфологических изменений, отражавших изменения семантического плана в системе двойственного числа. Например, первичным значением двойственного числа парных предметов было выражение единства предмета, состоящего из двух компонентов. Форма двойственного числа этих наименований оказывалась достаточной для выражения значения парности, двойственности, т.е. слово руцѣ уже обозначало "две руки" и поэтому употреблялось без числительного, значение двойственности уже было показано реальным значением названия парного органа. Само представление о парности поддерживало понятие двойственности. Употребление числительных два-оба при существительных-названиях парных предметов свидетельствовало об ослаблении двойственного числа, недостаточности его форм для выражения понятия парности. Применение форм двойственного и множественного числа для выражения одного денотативного значения, синонимичность их и взаимозаменяемость в дистрибутивно-множествен-

ном значении свидетельствует об ослаблении и разрушении значения двойственности, напр.: начать оумывати ноги оученикомъ и начать оумывати нозѣ оученикомъ /Остромирово ев., соотв. 154 а, 157/. Возможность двойного представления о парном предмете и соответственно двойного числового выражения его названия способствовало пересмыслению этих названий в формах множественного числа. На расширение значения множественности в рамках старых дуальных форм влияния также многозначность некоторых наименований симметричных органов /напр., уста "губы", "рот", "орган речи", ладви-А "почки", "внутренности", "утроба" и пр./, что допускало параллельное использование форм множественного и двойственного числа таких существительных. Семантические изменения, указывающие на то, что дуальным конструкциям было присуще множественное значение и формы двойственного числа имели согласовательный характер уже на ранних этапах письменной истории, происходили и в связанном двойственном, о чем свидетельствует зафиксированная в памятниках взаимозаменяемость форм двойственного и множественного числа в конструкциях с числительными дѣва, три-четыре, появление генетивных форм существительного при числительном дѣва, наличие дуальных форм в сочетаниях с числительными, содержащими компонент дѣва /12, 20, 22 и пр./

В заключении даны обобщающие выводы проведенного исследования. Семантико-синтаксические предпосылки падения двойственного числа, утрата им своего грамматического значения были заложены уже в дописьменный период. Во всяком случае древнейшие сохранившиеся памятники письменности старославянского и древнерусского языков фиксируют случаи нарушения правильного употребления форм двойственного числа. Допускается возможность параллельного использования форм множественного и форм двойственного в одном значении, при этом нарушается противопоставление грамматических значений двойственности и множественности. Свидетельством замены значения двойственного множественным, наряду с прямой заменой форм, выступает утрата анафорического двойственного, указывающая на множественное значение предыдущего оборота с числительным дѣва или конструкции с двумя именами, нарушение согласования по числу в дуальных контекстах. С XIII в. начинается общий процесс вытеснения парадигмы двойственного числа во всех синтаксических позициях, и на период XIV-XV в. можно говорить о полном разрушении грамматического значения двойственности. По своему значению формы двойственного числа приближаются к формам множественного, отождествляются с ними и постепенно вытесняются из употребления. К XVI-XVII в. система флексий двойственного, утрачен-

ная живой речью, используется в книжно-литературной письменности как ярко маркированные формы множественного, осознанный церковнославянизм. В XVII в. употребление флексий двойственного числа нормируется грамматическими трудами как обязательный признак церковнославянского языка, способ создания высокого архаично-торжественного стиля; позднее, в литературных произведениях XVIII в., отдельные формы бывшего двойственного также используются как стилистически окрашенные формы, однако уже с противоположным знаком.

Основное содержание работы отражено в публикациях:

1. Категория двойственного числа в "Грамматике" М.Смотрицкого // Восточнославянские грамматики XVI-XVII в. - К.: Наук. думка, 1982. 0,2 п.л. /на укр. языке/.
2. К истории двойственного числа в староукраинском языке /на материале памятников XIV-XV в. // Грамматические аспекты украинского языка. - К.: Изд-во КТШ, 1985. 0,2 п.л. /на укр. языке/.
3. Семантико-синтаксические условия утраты двойственного числа // Семасиология и словообразование. - К.: Наук. думка, 1989. 0,45 п.л. /на укр. языке/.
4. Согласование определений в словосочетаниях с числительными два, три, четыре // Культура слова. - К.: Наук. думка, 1987. - № 32. 0,2 п.л. /на укр. языке/.
5. Из истории свободного двойственного в древнерусском и старославянском языках // Украинское языкознание. № 18. 0,6 п.л. /в печ./ /на укр. языке/.

Мухомов

466 703

AB 25.404

(12)

[Handwritten signature]